July 17, 1996

РУССКИЕ РЕЧЕВЫЕ ЗАПРЕТЫ: ЭРОТИКА И НЕПЕЧАТНЫЙ ЮМОР

Андрей Бройдо
Университет Калифорнии в Сан Диего
Ла Хойя, КА, 92093-0112 США

Выражение непечатно *(табуировано), когда оно* нецензурно *(Я) или* непристойно *(Ф). Непристойными в русском языке считаются обозначения эрогенных зон и функций. Мы разделяем их на две группы – переднюю (П) и заднюю (Ж). Цензурные (С) и пристойные (Р) корреляты продолжают классификацию в область эвфемизмов и переносных значений, давая в итоге восемь типов выражений: ЯФП,..., СРЖ. Полученная классификация затем применяется к анализу эротического, социального и метаязыкового юмора.*

1. Введение.

Разветвлённая система контекстно- и ситуационно-зависимых табу отличает русский язык от многих современных языков. Хотя разделение на разговорную и литературную речь с сильно разошедшимися лексикой и социальными функциями присуще и некоторым другим обществам (швейцарскому, аргентинскому, греческому), кажется, ни в одном из этих обществ сосуществование двух диалектов и связанное с этим двуязычие большинства не встречается с таким непониманием, как в обществе русском.

Двуязычие русских проявляется в способности переключать своё восприятие и речь с широкого (десятки тысяч) корпуса лексем на узкий (первые сотни), который в основном состоит из многозначных и контекстно-зависимых выражений. При этом узкий корпус функционирует как совокупность лексических переменных, значениями которых являются лексемы из широкого корпуса.

Помимо соответствия между переменными из узкого корпуса и их значениями в широком корпусе, компетентные носители русского языка умеют выбирать речевой регистр (верхний/нижний) в зависимости от условий и участников общения. Ошибка в выборе регистра с большой вероятностью приводит к разрыву социальной связи.

Источник, из которого черпается табуированная лексика, различен для разных культур. Так, например, в шведском до последнего времени наиболее неудобосказуемыми словами были *fan* “чёрт” и *jävel* “дьявол”. Однако независимо от источника сверхмногозначных слов и их прямого значения, речевые запреты отражают как стремление общества надёжно и единообразно использовать язык, так и стремление избежать неуправляемых взрывов эмоций. Что именно вызывает эти взрывы, и что именно считается некорректным, зависит от общества; в Америке, например, рекомендуют не обсуждать со случайными людьми politics and religion.

В этом разделе я дам схематическую классификацию непечатного (табуированного) как грамматической категории, и объясню, почему выражения из узкого корпуса отождествляются с нижним регистром языка, со всеми вытекающими последствиями нормативного плана. Главная идея предстоящей классификации состоит в расщеплении непечатного на нецензурное (Я) и непристойное (Ф), и описании механизмов синонимии, которые ослабляют тот или иной аспект (фактор) табуированности. Эта работа

возникла из попытки понять, почему смешны частушки, предпринятой мною в 1980. [1]

2. Речевые запреты.

Нарушение речевого запрета является *явным* (Я), когда употребляется лексема из узкого (запретного) списка. Оно является *скрытым* (С), когда употреблена лишь ссылка на этот список в виде окказиональной замены, синонима, представителя, имени или эвфемизма для выражения из этого списка: *Блин!*

Табуированное (в русском языке) выражение обозначает физическую (Ф) функцию или речевую (Р) метафору, ссылающуюся на эту функцию через словообразование. Наконец, сама функция может относиться либо к половой (П) сфере, либо к общим процессам жизнедеятельности (Ж).

Удобно, в духе Бахтина, отождествить скрытое/явное с высоким/низким в языке, речевое/физическое с высоким/низким относительно вертикали тела, и группы физических денотатов ("артикуляцию") с передним/задним относительно плоскости тела, хотя последнее отождествление не вполне правомерно.

Таблица 2. Сомножители речевых запретов.

Знак	Обозначаемое	Пример	Тип
Я	Явное нарушение нормы	Его прижопил дядя Ёж	ЯРЖ
С	Скрытое нарушение нормы	Запереде, запер девку на века	СФЖ
Ф	Физическое (прямое) значение	Нищий нищенку полощет	СФП
Р	Речевое (переносное) значение	У нас дизель спиздили	ЯРП
П	Половые органы, функции; однокоренные производные	То ей хуй в окно засуну	ЯФП
Ж	Выделительные органы, функции; однокоренные производные	То ей жопу покажу	ЯФЖ

Запрет ЯФ отражает противоречие между эмоциональным (естественным) и разумным (общественным) поведением: эмоциональное необходимо для выживания каждого отдельного человека; разумное – для выживания общества. Понятия группы ЯФ описывают эрогенные зоны и их функционирование. Эти участки тела вызывают сильные эмоции, проявление которых с лёгкостью может привести к конфликту, и запрет ЯФ воспринимается говорящими как способ избежать конфликтов. (В подтверждение этого тезиса можно напомнить, что все Я-выражения в негативном контексте называют *матом*, то есть криком [2].

Запрет ЯР так же точно ограничивает применение эрогенных *метафор* для обозначения часто встречающихся понятий – например, интенсивных или просто привычных действий. Эти метафоры не имеют эмфатической функции (хотя многие так считают), а служат заполнителями грамматических позиций – сказуемого, определения,... присутствие которых делает речь связной, а значения предположительно ясны из контекста (как в известном примере про "глокую куздру"); восстановление значений передоверено принимающей стороне по "принципу наименьших усилий".

Таким образом, метафоры группы ЯР – это полноценные слова с предельно обобщённым,

[1] Я благодарен математику П.Симоновичу, чьи записи частушек послужили стимулом для разработки настоящей классификации.

[2] ср. "орёт благим матом"

почти неразличимым значением корня (хотя и с прозрачной этимологией – именно это позволяет поддерживать единый словарь соответствий в широких географических и временных рамках). Таковы, например, обозначения работы (еба́шеть), ходьбы (пиздова́ть), разговора (трандеть), наполнения (нахую́жить), и многих других действий. Их соответствие с лексемами, корни которых несут определённый смысл (а не только заполняют позицию корня) входит в мимимум языковых навыков, владение которым по умолчанию присутствует в каждом акте общения. Так же точно функционируют и многие арготические выражения, однако поэтическое и экспрессивное наполнение арготических метафор, помимо прагматической функции, ориентировано на создание атмосферы глоссолалии (эйфории иноязычия) вознаграждающей говорящих за их причастность к избранной группе (ср. Елистратов 1994).

"Принцип наименьшего действия" объясняет, почему речевые запреты проявляются при неравенстве собеседников, притом тем сильнее, чем яснее осознаются причины неравенства (пол, возраст,...), но действуют несимметрично. Запреты сильнее в направлении "снизу вверх", чем "сверху вниз" – в контактах младших со старшими, подчинённых с начальниками, посетителей с чиновниками и женщин с мужчинами: "полный" стиль речи удобен принимающей стороне; "сниженный" – передающей (это напоминает различение в теории сложности задач, которые легко решить (P), и задач, решение которых легко проверить (NP); передача речевых сообщений явно относится ко второму классу). Обращенный контекст общения ("сверху вниз") допускает большую свободу для передающей стороны, и, наконец, наибольшей свободой отличается общение равных (одногодков, людей одного пола,...).

Сформулируем сказанное выше в виде двух утверждений.

Утверждение 1. Каждому табуированному выражению в русском языке присвоены в сознании говорящих значения трёх независимых переменных, лежащие на отрезках

Я—С, Ф—Р, П—Ж.

Промежуточные значения координат могут быть присвоены выражениям, которые настолько редки, что их смысл и степень табуированности не до конца определены общеязыковой нормой. Таковы, например, слова *шабала* "penis" или *трандеть* "болтать". Исключая такую лексику из рассмотрения и ограничиваясь значениями на концах отрезков, мы можем сформулировать

Утверждение 2. Каждый речевой акт характеризуется в сознании участников степенью допустимости (частотой использования) выражений каждого из типов

ЯФП, ЯФЖ, ЯРП, ЯРЖ, СФП, СФЖ, СРП, СРЖ.

Пример.[3] *Учительница.* Кто хочет рассказать стишок?
Вовочка. Я!
Учительница. Вовочка, ну ты же наверное опять будешь с матом?
Вовочка. Нет, Марь Иванна! Если что будет, я скажу "ля-ля":

Ля-ля-ля́, ля-ля-ля, ля-ля-ля ля-ля-ля,
Ля-ля-ля, ля-ля-ля, ля-ля-ля ля-ля-ля,
Ля-ля-ля, ля-ля-ля, ля-ля-ля ля-ля жопа!

3. Непечатное в поэтике.

В той части общества, в которой запрет на непечатные выражения является частью нормы, эта норма всегда активно присутствует в сознании слушателей и читателей.

[3]Этот анекдот я услышал недавно в курилке одного из интеллектуальных салонов Сан Диего.

Всякое упоминание о норме и всякий переход за её пределы вызывают у них серию предсказуемых реакций. Этим весьма искусно пользуется поэзия, в особенности сатирическая и ироническая. Вот несколько примеров.

Шёл я улицей Донской,
Меня ёбнули доской, ЯРП
Я иду и охаю:
Мне попали пó хую. ЯФП

Здесь "тема" воспринимется нами как осцилляция между незапретной, цензурной иронией (0) и запретной, нецензурной (Я), не расчленённой на отдельные моды. В следующем приближении, в рамках нецензурного мы слышим колебание между Р и Ф ("рема") которое и даёт наибольший вклад в наше восприятие текста. (Дело в том, что ожидаемое по контексту значение "ёбнуть" – "ударить по голове, чтобы оглушить" – относится к области телесного верха, но это ожидание разрушается концовкой стиха.) Присутствие таких колебаний и основанный на них юмор как раз и служат основным подтверждением реальности отдельных оппозиций в общеязыковом сознании.

Многочлен ("тензор"), который получается суммированоем типов отдельных выражений по всему тексту, обычно (для достаточно коротких текстов) содержит лишь два-три произведения с ненулевыми коэффициентами (коэффициенты при этом могут быть сколь угодно велики), и практически всегда разлагается на множители, часто – на линейные множители. В примере, приведённом выше, это разложение выглядит так:

$$\text{ЯРП} + \text{ЯФП} = \text{Я}(\text{Р} + \Ф)\text{П}$$

Разложимость связана, по-видимому, с ограничениями на отбор лексики, вытекающими из единства темы и стиля произведения. Вот еще один пример осцилляции, исследующей минимальную пару, на этот раз П—Ж:

Мимо тёщиного дома,
Я без шуток не хожу,
То ей хуй в окно засуну, ЯФП
То ей жопу покажу ЯФЖ

Возникающий многочлен опять распадается на линейные множители:

$$\text{ЯФП} + \text{ЯФЖ} = \text{ЯФ}(\text{П} + \text{Ж})$$

В целом, конечно, русская легкомысленная поэзия в народном бытовании (речь не идёт о редких современных писателях, сознательно занявшихся эротикой) тяготеет к социальной сатире; сексуальное в ней по-прежнему полузапретно. Оно присутствует как фон, на котором разворачивается действие, как аксиома, из которой выводятся следствия, а не как сложный органический и эмоциональный комплекс, требующий отдельного изучения. Так, например, в этой поэзии почти невозможно найти описаний частей половых органов или фаз любовной игры, да и названия самих органов на поверку оказываются метонимиями – символами мужественности/женственности ("инь и ян", по словам Михаила Златковского) или кастовой принадлежности:

Делай, делай,
Пидор престарелый
Попадёшь ко мне на хуй
Своей жопой белой,

сверх того, в составе Я-выражений доминирует всего лишь несколько слов – см. энтропийные таблицы. (Как ни странно, профессионалы языка тоже используют крайне

ограниченный набор выражений, не более полудюжины корней, в то время как Елистратов насчитывает, например, более сотни слов со значением *penis*.)

Настораживает, однако, не это, а отсутствие какого-либо понятия о том, что же дают друг другу сексуальные партнёры – в отличие от того, что они стремятся друг от друга получить. Это особенно заметно по поэзии, бытующей в мужской среде (и характерной, вероятно, для большинства эротических произведений): ни в одном из них не упомянут, например, женский оргазм, как если бы такого явления вовсе не существовало. СФП типа "давать" явно отводят для женщины роль пассивной стороны, так что стихи вроде

Опа, опа
Чугунная ограда
Девки выебли попа
Так ему и надо

воспринимаются как оксюморон.

4. "Низкий штиль".

Принадлежность метафор ЯР к "низкому штилю" связано с контекстной зависимостью, то есть с неоднозначностью декодирования, а отнюдь не с сексуальными ассоциациями, которые они предположительно вызывают; эти ассоциации участвуют в процессе присваивания обыденных значений дериватам Ф-терминов, но отмирают в ходе их повседневного массового употребления. Контекстная зависимость оборачивается низкой помехоустойчивостью – выпавший кусок разговора может непредсказуемо изменить смысл текущего сегмента. Вот почему (а не в силу какой-то особой стыдливости) интеллектуалы – специалисты по переработке и передаче информации – испытывают недоверие к непечатным словам.

В подтверждение можно напомнить, что в немецком, например, считается неуместным употреблять глагол *machen* (делать) взамен знаменательных слов, хотя вряд ли можно ассоциировать с ним какое-либо специфически непристойное значение.